

A black and white photograph of a man in a suit, with his hands tied together in front of his chest by a thick, light-colored rope. The rope is knotted and loops around his hands and arms. The background is a plain, light color.

Валентин Катасонов

ОТ РАБСТВА К РАБСТВУ

от Древнего Рима к современному Капитализму

ИД «Кислород»

Валентин Юрьевич Катасонов

От рабства к рабству. Древний Рим и современный капитализм

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10235723
От рабства к рабству. От Древнего Рима к современному Капитализму./ Катасонов В.Ю.: Кислород; Москва; 2014
ISBN 978-5-901635-40-7

Аннотация

Книга представляет попытку метафизического осмысления истории человечества от Древнего Рима до наших дней. Несмотря на многие изменения быта, невероятное развитие производительных сил, появление многих технических новшеств человек и общество Древнего Рима и нашего времени удивительно похожи. Мы привычно называем общество того времени рабовладельческим строем, а современное общество – капитализмом. Между тем в то время был рабовладельческий капитализм, а в наше время мы имеем капиталистическое рабовладение. Две тысячи лет назад человечество оказалось на краю пропасти. Сегодня оно балансирует над той же пропастью. Читателю предлагается вместе с автором поразмышлять над тайной человеческой истории, причинами нынешнего глобального кризиса всех сторон жизни общества, подумать

о путях выхода из тупиков социального, экономического и духовного рабства.

Содержание

Введение	6
Определение капитализма	19
Глава I	31
1.1. Капитализм: «детство» и «старость»	32
1.2. Разрушение как главный признак раннего и позднего капитализма	41
1.3. Паразитическое потребление как признак древнеримского общества	52
1.4. Истинные масштабы рабства в Древнем Риме	60
1.5. Финансово-экономическая основа римского паразитизма	67
1.6. Ростовщический капитализм	77
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Валентин Катасонов

От рабства к рабству.

Древний Рим и современный капитализм

Богатство от суетности истощается, а собирающий трудами умножает его.

Притч. 13:11

Надеющийся на богатство свое упадет.

Притч. 11:28

Кто крал, впредь не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное.

Еф. 4:28

Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и маммоне. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться.

Мф. 6:24–25.

Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и

любостязание, которое есть идолослужение, за которые гнев Божий грядет на сынов противления.
Кол. 3: 5–6.

Смотрите, берегитесь любостязания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения.
Лк. 12:15.

А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно.
Мф. 13: 22.

Введение

Марксизм: перевернутая картина общества

Большинство из нас до сих пор неосознанно воспринимают всемирную историю через призму марксистской схемы *общественно-экономических формаций (ОЭФ)*.

У нас марксизм уже лет двадцать как официально низвергнут со своего пьедестала. Но идеи Маркса продолжают жить. Во время последнего экономического и финансового кризиса неожиданно начался «ренессанс» марксизма, что проявилось в увеличении числа публикаций по экономиче-

скому учению К. Маркса, появлении «Капитала» и других произведений Маркса на полках книжных магазинов, росте интереса студентов к теориям Маркса. Безусловно, марксизм – существенно более «тонкое» в интеллектуальном смысле учение, чем разные кондовые идеологемы неолиберализма, монетаризма и «прогресса», которые обрушивались на наши головы в течение двух десятилетий и которые, как нам кажется, не смогли прочно укорениться в общественном сознании. Именно поэтому мы уделяем повышенное внимание марксизму как мировоззрению, которое глубоко засело в подсознании старшего и среднего поколений и продолжает искушать умы нового поколения интеллектуалов.

Мы вынуждены напомнить читателю некоторые азы марксизма для того, чтобы продолжить наш разговор. Упомянутая нами ОЭФ – совокупность «экономического базиса» и «надстройки». «Экономический базис» – система экономических отношений между людьми по поводу производства, обмена, обращения и потребления продукта трудовой деятельности. «Надстройка» – система отношений (и норм отношений) между людьми в сфере культуры, политики, права, идеологии и религии. «Базис» в этой конструкции первичен, «надстройка» – вторична, зависит от существующих в обществе экономических отношений. Согласно этой схеме история человечества представляет собой последовательную смену общественно-экономических формаций: первобытно-общинного строя, рабовладельческого, феодального, капи-

талистического и коммунистического. «Двигателем» исторического процесса выступает «развитие производительных сил», которое сначала ведет к изменению «экономического базиса», а затем «надстройки» и всей формации.

Маркс занимал позицию воинствующего материалиста и потратил немало сил, времени и бумаги для нападок на религию для того, чтобы скинуть с нее покров «таинственности». Мысль его предельно проста: религия – «продукт» производственных отношений или даже – «продолжение», «форма» производства. Вот пример его рассуждений на тему «Производство и религия»: «Религия, семья, государство, мораль, наука, искусство и т. д. суть лишь особые виды производства и подчиняются его всеобщему закону»¹. В других работах он в разных вариантах повторяет свой любимый тезис: «не религия создает человека, а человек создает религию»².

Как известно, *К. Маркс* мало что придумывал нового. Он был прекрасным компилятором, заимствуя идеи у своих предшественников и своих современников³. Вот и учение об ОЭФ у Маркса также «заимствованное». Принадлежит

¹ Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. // К. Маркс, Ф.Энгельс. Соч., 2-е изд. Т. 42. С. 117.

² Маркс К. К критике гегелевской философии права // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд. Т. 1. С. 252.

³ Об этих компиляторских способностях классика марксизма прекрасно свидетельствует его ревнивый последователь В.И. Ленин в своей известной статье «Три источника и три составные части марксизма» (*В.И. Ленин. Полное собрание соч. Т. 23*).

оно французскому социалисту-утописту *Сен-Симону* (1760–1825). Марксу идея французского социалиста о формациях понравилась, так как «работала» на его идеи о «прогрессивности» капитализма по сравнению с эпохой «мрачного» феодализма и о «неизбежности» победы коммунизма⁴. Вот что пишет об этом «заимствовании» наш современный русский философ *Ю. Бородай*: «При внимательном рассмотрении вопроса обнаруживается, что историческая последовательность формаций – это запущенная в оборот Сен-Симонном кабинетная схема поступательного прогресса от рабского, крепостного, наемного – к свободному социалистическому труду. Эту схему в партийно-пропагандистских (но не исследовательских!) целях использовал и Маркс, и особенно Энгельс»⁵.

Сегодня обнаруживается все больше материалов, появляется все больше исследований, из которых следует, что Маркс сам не особенно верил в схему истории, базирующуюся на «железной» последовательности смены общественно-экономических формаций. В частности, Маркс в своих письмах и статьях постоянно внушал русским народникам и социалистам, что Россия неизбежно должна пройти через «горнило» капитализма, что прямой путь к социализму для

⁴ Свое учение об общественно-экономической формации Маркс изложил в таких своих произведениях: «Нищета философии» (*Соч.*, 2-е изд. Т. 4); «Предисловие «К критике политической экономии» (Т. 13); «Капитал», тт. 1–3 (Т. 23–25); «Экономические рукописи 1857–1859 гг.» (Т. 46, Ч. 1–2).

⁵ Бородай. Ю. Третий путь. // Наш современник, № 9, 1991.

нее заказан. Вместе с тем по архивным материалам становится понятно, что Маркс считал возможным развитие России по некапиталистическому пути на основе ее сельской общины. Однако Маркс как политически ангажированный писатель и «ученый» не мог об этом говорить вслух. Ему надо было любыми правдами и неправдами втянуть Россию в лоно капитализма⁶.

Однако предложенная Марксом картина исторического процесса – слишком большая абстракция, упрощение и откровенное искажение.

Во-первых, марксизм не может внятно объяснить, каким образом «развитие производительных сил» оказывается «главным фактором» общественного развития. У марксистов иррациональное, почти религиозное восприятие «производительных сил», которые они наделяют какой-то мистической внутренней силой. Что-то напоминающее «фетишизм» или древнее язычество. Согласно такому «научному» мистицизму приход в мир и в нашу страну капитализма – это результат действия «объективных законов», запрятанных в «черный ящик» под названием «производительные силы».

Во-вторых, те же самые «производительные силы» у классика марксизма оказываются главным критерием «прогрес-

⁶ См., в частности: Маркс К. наброски ответов В.И. Засулич // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд. Т. 19. с. 400–421; Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд. Т. 19. С. 116–121; см. также: Кара-Мурза С.Г. Карл Маркс против русской революции. – М.: Алгоритм, 2008.

са» общества. По мнению Маркса, капитализм с его промышленной революцией является шагом вперед в развитии производительных сил и, следовательно, более прогрессивен по сравнению с феодализмом. Мы привыкли рассматривать Маркса как непримиримого критика капитализма. Но вот что удивительно: Маркс оценивает капитализм как «прогрессивный» строй по отношению к феодализму и приписывает ему «цивилизующую» миссию: «В простом понятии капитала должны содержаться его цивилизирующие тенденции»⁷. «Цивилизирующее» значение капитализма К. Маркс видел, в частности, в том, что при этом строе капитал приучит человека трудиться на другого человека без какого-либо внешнего принуждения⁸. В качестве другого важ-

⁷ Маркс К, Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.46, ч.1, с.302.

⁸ «Историческое назначение капитализма будет выполнено тогда, когда... всеобщее трудолюбие благодаря строгой дисциплине капитала, через которую прошли следовавшие друг за другом поколения, разовьется как всеобщее достояние нового поколения» (К. Маркс, Ф.Энгельс. Соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 280). Маркс признает в «Капитале», что повсеместно, в Европе, Америке, Азии, капитализм на первых порах – это «цивилизованный ужас чрезмерного труда» (Там же. Т.23. С. 247). Далее он пишет: «Капитал, будучи правильно понят, выступает как условие развития производительных сил до тех пор, пока последние нуждаются во внешнем прищипывании» (Там же. Т. 23. С. 393). И вновь проявляет уверенность в том, что в какой-то момент времени такое «прищипывание» (принуждение к труду) будет излишним: «дисциплинирование. на известной ступени... становится излишним» (Там же. Т. 23. С. 393). Надо отдать должное прозорливости Маркса: сегодня в странах Запада мы видим достаточно доказательств «всеобщего трудолюбия» занятых на капиталистических предприятиях. Об особенностях этого «всеобщего трудолюбия» в современном капитализме мы будем говорить ниже.

ного проявления «цивилизующего» влияния капитализма Маркс рассматривал освобождение общества от «предрас-судков религии».

Вот и мы сегодня в качестве эталона «цивилизации» часто рассматриваем страны «победившего капитализма». Но не очень-то укладываются в наше понимание «цивизованности» те картины капиталистической эксплуатации и капиталистического разбоя, которые рисует Маркс в своем «Капитале» (в основном на примере Англии). Да и сегодня капитализм – это не только Швейцария или Люксембург, но также Бразилия, Нигерия, Пакистан и многие другие страны «третьего мира», которые стали частью мировой капиталистической системы. А ведь там каждый день от голода умирают десятки тысяч людей.

Да и с «цивилизанным» Западом не все понятно: там уже в течение нескольких десятилетий идет активный процесс деиндустриализации; нужно иметь богатую фантазию и не меньшую научную недобросовестность, чтобы назвать страны Запада образцом развития производительных сил. Даже если смотреть на мир глазами материалиста, возникает сильное сомнение в том, что последовательная смена общественно-экономических формаций по схеме Маркса есть действительный «прогресс человечества».

В-третьих, никаких «чистых» формаций в истории не было и нет. В любом обществе в любой момент времени можно видеть *сосуществование элементов многих форм эконо-*

мических отношений («способов производства»). Считается, что XIX век – это эпоха «классического капитализма». Но в это время в колониях таких «капиталистических» стран, как Великобритания, Франция, Голландия, Бельгия, Португалия, число настоящих (без кавычек) рабов было на порядок больше, чем число занятых во всех отраслях экономики метрополий. Да что там рабы колоний! В Соединенных Штатах до 60-х гг. XIX века рабов было больше, чем наемных работников. Ю. Бородай пишет: «В первой половине просвещенного XIX столетия (до 1864 года) в буржуазных США рабов было больше, чем в Древнем Египте, Греции и Римской империи вместе взятых»⁹. Сегодня на дворе «просвещенное» XXI столетие. Но в нынешней Африке, которая интегрирована в мировое капиталистическое хозяйство, можно встретить почти полностью легализованное рабство, причем наметилась тенденция к увеличению его масштабов и полному выходу из «подполья» (о чем мы еще скажем).

Никто не ставит под сомнение, что мы сегодня живем при капитализме (наши власти, правда, не любят слово «капитализм», заменяя его совершенно бессмысленным словосочетанием «рыночная экономика»). Но в то же время никто не может оспорить очевидный факт: в пределах нашей страны, особенно на Северном Кавказе, существует самое настоящее рабовладение (правда, в отличие от Африки пока нелегаль-

⁹ Бородай Ю. Третий путь. // Наш современник, 1991. № 9.

но)¹⁰.

И в то же время в древнем мире, прежде всего в древнем Риме наряду с рабовладением (частное, а иногда государственное право собственности на людей, работников) существовал капитализм, образуя причудливые сочетания того и другого. На это обращали внимание многие исследователи, о существовании которых нам было не положено знать в эпоху торжества марксизма (хотя сами классики марксизма вскользь об этом говорили).

Чтобы получить реальное представление о мировой истории, векторе развития человечества, устройстве общества, нам придется отойти от привычных представлений, базирующихся на марксистском материалистическом учении об общественно-экономической формации. Для этого нам надо эту самую формацию поставить с головы на ноги. Тогда мы получим модель общества, которую условно можно назвать *«общественно-духовной формацией»*. Эта модель также состоит из двух элементов – базиса и надстройки. Только в качестве базиса общества выступает *духовное состояние общества*, а надстройки – *все общественные отношения – экономические, политические, правовые, а также культура, государство и иные общественные институты*. Понятие «общественно-духовная формация» – синоним более распространенного сегодня понятия – *«цивилизация»*.

¹⁰ Басов С.Л. О современном рабстве в России. // Интернет-журнал «Самиздат».

Основы учения о цивилизации заложил наш русский ученый Н.Я. Данилевский (1822–1885), автор известной книги «Россия и Европа». У Данилевского еще не было термина «цивилизация», он использовал термин «культурно-исторический тип». Через несколько десятков лет после Данилевского работы по истории человечества как процессу смены одних цивилизаций другими появились за рубежом (*Арнольд Тойнби, Освальд Шпенглер*)¹¹. Духовное состояние общества – это, прежде всего, религиозное сознание общества, его отдельных членов. Это «базовые», «первичные» нормы, определяющие поведение членов общества, их отношение к Богу, другим членам общества, природе. Эти нормы формируют систему ценностей, цели жизни отдельного человека и общества в целом, обуславливают выбор средств достижения этих целей и т. п. Хотя духовный мир является невидимым и нематериальным началом, нормы поведения, формируемые в этом мире, являются жесткой и очень устойчивой конструкцией, своеобразным фундаментом общества. Все, что надстраивается над этим фундаментом, может быть видимым и даже материальным, но менее устойчивым, более изменчивым. Но когда ломается фундамент («духовный базис»), тем более обваливается вся «надстройка». Духовный базис существует в любом обществе – даже атеистическом. И в этом случае люди «веруют»: они верят, что Бога как творца

¹¹ Мы в дальнейшем будем вместо понятия «общественно-духовная формация» использовать преимущественно термин «цивилизация».

и промыслителя (управляющего своим творением) не существует. При этом они обязательно находят себе замену Бога в чем-то другом (веруют в материю, «прогресс», деньги, науку и т. п.; чаще всего такая вера является неосознанной); исходя из этого «верования», они формируют свое сознание и свое поведение.

Если мы отойдем от вышеописанной схемы описания общества как общественно-экономической формации, то увидим следующее: древний мир (особенно Древний Рим) и современное капиталистическое общество имеют много общего. В частности, для них характерно *сосуществование рабства и капитализма*. С цивилизационной точки зрения данный тип общества можно назвать «*денежной цивилизацией*»¹².

Подобное сочетание не является случайным. Если попытаться дать объяснение поразительному сходству общества Древнего Рима и современного капиталистического общества, то наш ответ будет очень коротким: это два общества, представляющие одну и ту же общественно-духовную формацию (цивилизацию). **Духовным базисом этой форма-**

¹² Подробнее см.: Катасонов В.Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». – М.: НИИ школьных технологий, 2011. Книги 1 и 2. Ближким к понятию «денежная цивилизация» является понятие «цивилизация каинова типа» (см. *Забегайло О.Н. Духовное понимание истории*. – М.: Серебряные нити, 2009). Сегодня многие исследователи выделяют существующие в мире типы общества по признаку формально доминирующей в обществе религии.

ции выступает язычество, имеющее тенденцию перерастать в свою «высшую» форму – сатанизм. При таком взгляде на историю сразу рассыпается в пыль марксистское представление о «прогессе», которое прочно въелось в сознание современного человека. Приходит понимание того, что человечество, выражаясь словами *апостола Петра*, как «пес возвращается на блевотину свою», и как «вымытая свинья идет валяться в грязи»¹³. Иначе говоря, человечество опять оказывается у опасной черты, за которой гибель – и духовная, и физическая.

Автор данной работы не богослов, а экономист. Поэтому основное внимание в работе уделяется сравнительному анализу социально-экономических отношений, входящих в состав «надстройки» древнеримского общества и современного капиталистического общества. Но как православный человек автор постоянно держит в уме, на каком «базисе» покоится социально-экономическая «надстройка» Древнего Рима и современного капитализма.

Нами уже была сделана первая попытка осмыслить с позиций православного мировоззрения некоторые вопросы современного капитализма, особенно относящиеся к сфере денег, кредита, финансов. Результаты этого осмысления были изложены нами в книге «*О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном*»¹⁴. Сейчас мы продолжаем осмысление неко-

¹³ 2 Петр. 2:22.

¹⁴ Катасонов В.Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия.

торых вопросов, поднятых в той книге.

Понимание органической связи рабства и капитализма подталкивает нас к тому, чтобы мы внимательнее присмотрелись к тому древнему миру, который в учебниках принято называть «рабовладельческим строем». *Поняв тот мир, мы сможем лучше понять мир, в котором находимся сегодня, и мир, в котором можем оказаться завтра.*

Определение капитализма

Напомним, что слово «капитализм» было введено в обращение не так давно – в XIX веке. Оксфордский словарь утверждает, что впервые слово «капитализм» использовал английский романист *Уильям Теккерей* в 1854 году. Считается, что по-настоящему популярным слово стало в 1867 году после выхода в свет первого тома «Капитала» *Карла Маркса*. Однако, как ни парадоксально, Маркс, у которого «капитал» и «капиталист» были ключевыми категориями его исследования, крайне редко использовал слово «капитализм». Вместо него он прибегал к терминам «буржуазный строй», «буржуазное общество», «буржуазный способ производства», «капиталистический способ производства» и т. п. По мнению французского историка экономики *Ф. Броделя*, впервые слово «капитализм» для обозначения определенного типа экономики употребил французский социалист *Луи Блан* в 1850 году, примерно в это же время этим словом стал пользоваться другой французский социалист – *П.Ж. Прудон*. Однако это были единичные случаи использования слова. Тот же Бродель полагает, что слово «капитализм» стало по-настоящему популярным после выхода в 1902 году книги немецкого экономиста и социолога *Верне-*

ра Зомбарта под названием «Современный капитализм»¹⁵. У нас есть сомнения в верности данного заключения масти- того французского ученого. По нашим данным, российские марксисты уже в конце XIX века активно использовали сло- во «капитализм» в своей партийно-политической деятельно- сти. Достаточно в качестве примера привести выпущенную *В.И. Лениным* (под псевдонимом Владимир Ильин) в 1899 году книгу под названием «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной про- мышленности»¹⁶.

Более или менее широко и активно слово «капитализм» в политической и научной литературе на Западе использова- лось всего несколько десятилетий. В СССР термин активно использовался на протяжении всех десятилетий существо- вания советской власти – как в научных, так и пропаган- дистских целях. Несколько поколений советских людей изу- чали в вузах в качестве обязательной дисциплины «Поли- тическую экономию капитализма». Советские обществове- ды «по полочкам» и «косточкам» разложили весь капита- лизм. Все формулировки и определения, относящиеся к ка- тегориям капитализма, были с ювелирной точностью выве- рены, и никакие «импровизации» и «творчества» в области политической экономики капитализма не приветствовались.

¹⁵ Данная работа была в прошлом веке издана на русском языке: Зомбарт В. Современный капитализм. Т. 1–2. – М., 1903–1905; т. 3. – М.-Л., 1930.

¹⁶ В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 3.

Приведем утвердившееся в СССР определение капитализма из Большой советской энциклопедии: *«Капитализм – общественно-экономическая формация, основанная на частной собственности на средства производства и эксплуатации наёмного труда капиталом; сменяет феодализм, предшествует социализму – первой фазе коммунизма. Основные признаки К.: господство товарно-денежных отношений и частной собственности на средства производства, наличие развитого общественного разделения труда, рост обобществления производства, превращение рабочей силы в товар, эксплуатация наёмных рабочих капиталистами. Целью капиталистического производства является присвоение создаваемой трудом наёмных рабочих прибавочной стоимости»¹⁷.*

Мы еще будем анализировать с разных сторон капитализм, поэтому воздержимся сейчас от детального комментирования и анализа данного определения. В целом с ним (с некоторыми оговорками¹⁸) можно согласиться. Отметим лишь, что в указанном несколько пространном определении вся суть капитализма заключена в следующих взаимосвязанных моментах:

а) отчуждение свободного работника от средств производ-

¹⁷ Большая советская энциклопедия. Статья «Капитализм».

¹⁸ Одна из таких оговорок касается тезиса, что капитализм «сменяет феодализм». С таким тезисом мы не можем согласиться: капитализм, как мы покажем немного ниже, существовал еще в древнем мире, т. е. задолго до того, что в приведенном определении называется «феодализмом».

ства (земля, орудия производства, сырье);

б) превращение свободного работника в наемного работника;

в) эксплуатация наемного работника капиталистом-работодателем, присвоившим средства производства;

г) получение капиталистом в результате эксплуатации прибавочной стоимости.

Об этих моментах мы будем еще говорить подробно в других разделах.

Пожалуй, к перечисленным выше моментам следует добавить еще один, пятый момент (из приведенного выше определения): *«наличие развитого общественного разделения труда»*. Выражаясь современным языком, речь идет о *высокой степени развития рыночных отношений*. Поэтому капитализм часто и называют «рыночной экономикой». Рынок и торговля существовали всегда, даже в самых древних обществах. Но в условиях так называемого «традиционного» хозяйства (преимущественно натурального хозяйства) рыночные отношения играли минимальную роль в жизни общества и человека. Лишь при капитализме основную часть жизненно необходимых предметов человек стал приобретать в результате рыночных обменов. Без рынка капитализм невозможен, поскольку капиталист стремится получить прибавочную стоимость не в натурально-вещественной форме, а в виде денег. А это возможно лишь через реализацию произведенного продукта труда на рынке. Итак, за короткий срок

после старта капитализма кардинальным образом изменились экономические отношения в обществе:

– в «традиционном» обществе они были сконцентрированы в «малом социуме» (семья, община, поселение и т. п.) и строились преимущественно на безденежной основе; рыночные отношения («большой социум») с использованием денег играли вспомогательную роль в жизни обычного человека;

– при капитализме экономические отношения переместились в «большой социум» – рынок (региональный, национальный, международный) и стали строиться исключительно на денежной основе; «малый социум» стал играть вспомогательную роль¹⁹.

Обратим внимание на то, что в приведенном выше определении из БСЭ капитализм рассматривается исключительно как социально-экономическое явление, причем многие тонкие моменты в приведенной грубой схеме не видны. Акцент делается на эксплуатации и социальной несправедливости. Но не уделяется, например, внимание *проблеме отчуждения* труда и работника при капитализме. Она вытекает из того, что продукт труда принадлежит капиталисту-работодателю, а не работнику. Отсюда вытекает отсутствие мотивации к творческому труду, что делает капитализм край-

¹⁹ Этот процесс стремительного перехода общества к рыночным отношениям хорошо показан в работе: Поланьи Карл. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетейя, 2002. *Карл Поланьи* (1886–1964) – американский экономист, социолог и антрополог венгерского происхождения.

не неэффективным даже с экономической точки зрения (вопреки популярным мнениям о том, что хотя он «социально несправедлив», но при этом демонстрирует высокую экономическую эффективность). Вот что писал один из наиболее глубоких знатоков капитализма *А.Г. Махоткин* об этой особенности наемного труда: «Но главное зло и бесчеловечность капиталистического распределения состоит даже не в его несправедливости, а в отчуждении. Считается, что если работнику не принадлежит ни сырье, которое он обрабатывает, ни орудие его труда, то ему изначально не принадлежит ни продукт труда, ни сам его труд, воплотившийся в этом продукте. Пока с этим соглашаются все, в том числе и сам работник, его труд – *это не его, чужой для него труд*. Отчужденный от него в пользу нанимателя. Он и относится к нему, как к чужому. Поэтому наемного работника к труду надо принуждать – постоянным контролем, штрафами, угрозой увольнения. Наемный труд принудителен и не может быть иным. Работник в его результате не заинтересован, поэтому его надо искусственно заинтересовывать... премиями... и т. п. стимулами, заранее вычтя их из основной суммы заработной платы. Кстати, стимулом в Древней Греции называли заостренную палку, которой погоняли быков»²⁰.

Вопросы, связанные с этикой и духовно-религиозной стороной капитализма, тем более не рассматривались в марксизме как существенные. Старшее поколение помнит чекан-

²⁰ Махоткин А.Г. Анатомия капитализма. Советская альтернатива. // Интернет.

ную формулу марксистско-ленинской философии: «*Бытие определяет сознание человека*». Вульгарно-материалистическое мировоззрение, исходившее из примата экономики над политикой, идеологией, духовной жизнью общества, препятствовало формированию в советском обществе целостного представления о капитализме.

Уже к середине XX века у общества, именовавшегося «капиталистическим», выявилась масса «болезней», капиталистический строй успел себя изрядно дискредитировать (мировые войны, жесточайший экономический кризис 1929–1933 годов, другие экономические и социальные проблемы). Особенно ярко недостатки капитализма высвечивались на фоне Советского Союза, который неуклонно укреплял свои экономические и политические позиции в мире. Слово «капитализм» приобрело устойчиво негативный оттенок. С учетом этого идеологи и политики западных стран пришли к выводу о том, что подмочившему свою репутацию «капитализму» следует дать новое имя.

Несмотря на титанические усилия «экономической науки», доказывать «прогрессивность» капитализма стало сложно: эта общественно-экономическая формация достаточно себя дискредитировала. Процесс дискредитации достиг своего апогея в период затяжной депрессии 1930-х годов. Примечательно, что об этом достаточно откровенно на излете своей длинной жизни написал даже *Джон Кеннет Гэлбрейт* (1908–2006), американский экономист, кото-

рый большую часть своей жизни выступал последовательным апологетом этого самого капитализма. В своей последней книге *«Экономика невинного обмана: правда нашего времени»* он констатирует: «Слово «капитализм» по-прежнему употребляют лишь наиболее радикальные и откровенные защитники капиталистической системы, да и то не часто»²¹. В послевоенное время (с середины прошлого века) в марксистской литературе появился даже термин *«общий кризис капитализма»*. Официально понятие «общего кризиса капитализма» было введено в обращение на XXII съезде КПСС, оно вошло в третью программу партии.

Что понималось под «общим кризисом капитализма»? Третья программа КПСС перечисляет следующие признаки:

- отпадение от капитализма все новых стран;
- ослабление позиций империализма в экономическом соревновании с социализмом (в 1950-е – 1960-е годы темпы роста советской экономики значительно превышали темпы роста ведущих капиталистических стран, хотя к 1980-м годам ситуация изменилась);
- распад колониальной системы империализма (советские идеологи надеялись, что освободившиеся государства в основном пойдут по «некапиталистическому пути»);
- обострение противоречий империализма с развитием государственно-монополистического капитализма и ростом

²¹ Гэлбрейт Дж. К. *Экономика невинного обмана: правда нашего времени*. – М.: «Европа», 2009. С. 20

милитаризма;

– усиление внутренней неустойчивости и загнивания капиталистической экономики, проявляющееся в растущей неспособности капитализма использовать полностью производительные силы (низкие темпы роста производства, периодические кризисы, постоянная недогрузка производственных

мощностей, хроническая безработица);

– нарастание борьбы между трудом и капиталом;

– резкое обострение противоречий мирового капиталистического хозяйства;

– небывалое усиление политической реакции по всем линиям, отказ от буржуазных свобод и установление в ряде стран фашистских, тиранических режимов;

– глубокий кризис буржуазной политики и идеологии.

В программе КПСС отмечалось, что «общий кризис капитализма» начался в результате Первой мировой войны и образования первого социалистического государства – Советского Союза (первый этап). Второй этап начался после Второй мировой войны и образования социалистического лагеря. Наконец, с конца 1950-х – начала 1960-х годов «общий кризис капитализма» перешел в следующую стадию (третий этап), связанную с окончательным крахом колониальной системы и переходом ряда развивающихся стран на путь некапиталистического развития.

Мы не будем подробно комментировать перечисленные

выше признаки «общего кризиса капитализма». Отметим лишь, что в целом программа партии вполне объективно отражала ситуацию, которая сложилась на начало 1960-х годов в капиталистических странах и в мире в целом. Достаточно сказать, что понятие «общий кризис капитализма» стали использовать в некоторых случаях даже немарксистские авторы.

Вместе с тем следует признать, что марксизм как вульгарно-материалистическое мировоззрение отражал лишь экономическую и политическую сторону капитализма на тот момент времени, не затрагивая его духовную сторону. А именно духовная сторона – фундамент («базис») капитализма, и именно в духовной сфере кризис капитализма проявлялся наиболее остро. Собственно духовные корни капитализма, уходящие вглубь человеческой истории, и определяют современное кризисное состояние экономики и всех общественных отношений.

Следует обратить внимание на **этимологию слова «капитализм»**. Часто ведь в слове кроется ответ на вопрос, через слово постигается глубинный смысл явления. Очевидно, что «капитализм» – производное от слова «капитал». Последнее было известно уже в Древнем Риме, происходило от слова *caput*, означавшее *голова*. Речь шла, прежде всего, о голове крупного рогатого скота. Скот ассоциировался в древности с богатством. Богатство в те времена часто измерялось количеством голов скота. Ближе к этому было другое пони-

мание капитала – *основная сумма*. Основная сумма – имущество, которое дает дополнительную сумму, или проценты (рост). Опять-таки понятие основной суммы и роста связано со скотоводством: имеется стадо взрослого скота (столько-то голов), которое каждый год дает приплод молодняка, который и является приростом или ростом. Таким образом, уже в древнем мире слово «капитал» означало не просто богатство, а *прирастающее богатство*.

В древнем рабовладельческом обществе отношение хозяев к рабам было разным в разные времена. Иногда они приравнивались к скоту, богатство хозяина могло измеряться не только количеством голов волов, овец или лошадей, но также количеством голов рабов. Это было во времена жестокого физического рабства. Говоря о «капитале», «капитализме», мы чаще всего обращаем внимание на физическую и социальную сторону явления. А если говорить о духовной стороне капитализма, особенно современного, то этот уклад, способ жизни также можно ассоциировать с латинским словом *caput*. Капитализм можно охарактеризовать как общество скотоподобных людей или человекоподобных скотов. Я не хочу сказать, что все люди в том обществе, которое называется капиталистическим, уподобляются скотам. Речь идет лишь о том, что в таком обществе доминирующими являются установки на то, чтобы человек обрел скотоподобные черты. То есть утратил образ и подобие Божие. Следовательно, с духовной точки зрения капитализм не может рассматри-

ваться нейтральным строем. Он как минимум является языческим, но со временем все более обнажает свою антихристианскую сущность.

Глава I

Капитализм Древнего Рима

По естественному праву все рождаются свободными.

Кодекс Юстиниана

Несправедливость в отношении хотя бы одного человека губительно отражается на всех, потому что человечество есть один организм. Рабовладельческое общество было губительно не только для рабов, но еще более для самих рабовладельцев. Антирелигиозная мысль неверно говорит о том, что христианство будто бы оправдывало рабовладельчество или господство богатых. Все Священное Писание полно обличением несправедливого и немилосердного богатства, эгоизма и хищничества людей.

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)

1.1. Капитализм: «детство» и «старость»

К сожалению, и сегодня, в условиях «информационной свободы», среднестатистический человек имеет весьма смутное представление о Древнем Риме и его социально-экономическом устройстве. История Древнего Рима толком не изучается ни в школах, ни в высших учебных заведениях. Зачем на это тратить время? Идея более глубокого изучения этой истории встречает такое же сопротивление, какое, например, проявляется чиновниками от образования при попытках ввести в школах изучение «Основ православной культуры». Мол, римская история ушла безнадежно в прошлое и может представлять интерес лишь для отдельных чудаков (их сегодня почему-то окрестили «ботаниками»). По мнению чиновников, более актуальная, например, образовательная проблема – ликвидация «финансовой неграмотности» школьников. Пусть дети лучше изучают «основы рыночной экономики». Не подозревая, между прочим, что так называемая «рыночная экономика» (политически корректное название «капитализма») существовала уже в Древнем Риме.

Кстати, некоторые нынешние школьники и студенты вообще воспринимают словосочетание «Древний Рим» как название лишь города, который сегодня является столицей

Италии (по преданию, был основан в 754 г. до н. э.). А между тем это название общества (государства и даже цивилизации) с более чем тысячелетней историей. Оно возникло на территории Апеннинского полуострова в VI в. до н. э., позднее охватило территорию всего Средиземноморья, а завершило свое существование в V в. н. э. В самом общем виде исторический путь Древнего Рима можно разделить на три периода:

- царский (длился до 509 г. до н. э., когда из Рима был изгнан последний царь *Тарквиний Гордый*);
- республиканский (длился до момента *восшествия на престол первого римского императора Октавиана Августа* в 27 г. до н. э.);
- императорский (длился до 476 г. н. э., когда с престола был изгнан последний римский император *Ромул Август*).

В 476 г. н. э. закончила свое существование западная римская империя, от нее отпала восточная римская империя, которую часто называют *Византией* (или *вторым Римом*). Она просуществовала еще около тысячи лет – до 1453 года, когда столица Византии Константинополь пала под натиском турок.

Рабство в мире существовало задолго до того, как появилось государство под названием «Древний Рим». Вот что мы читаем об истории рабства в одном из широко известных за рубежом энциклопедических словарей: «Рабство появляется с развитием сельского хозяйства приблизительно 10 000

лет тому назад. Люди стали использовать пленников на сельскохозяйственных работах и заставляли их работать на себя. В ранних цивилизациях пленные долго оставались главным источником рабства. Другим источником являлись преступники или люди, которые не могли заплатить своих долгов. О рабах как низшем классе впервые сообщают письменные памятники Шумерской цивилизации и Месопотамии около 3500 лет тому назад. Рабство существовало в Ассирии, Вавилонии, Египте и древних обществах Среднего Востока. Оно практиковалось также в Китае и Индии, а также среди жителей Африки и индейцев в Америке. Рост промышленности и торговли способствовал еще более интенсивному распространению рабства. Возник спрос на рабочую силу, которая могла бы производить товары на экспорт. И потому рабство достигло пика своего развития в греческих государствах и Римской империи. Рабы выполняли здесь основные работы. Большинство из них трудилось в рудниках, ремесленном производстве или в земледелии. Другие использовались в домашнем хозяйстве в качестве слуг, а иногда врачей или поэтов. Около 400 г. до Р. Х. рабы составляли треть населения Афин. В Риме рабство распространилось так широко, что даже простые люди имели рабов. В древнем мире рабство воспринималось как естественный закон жизни, который существовал всегда. И лишь немногие писатели и влиятельные люди видели в нем зло и несправедливость»²².

²² The World Book Encyclopedia. London-Sydney-Chicago, 1994. P. 480–481. См.

Добавим, что рабство воспринимали как вполне естественный порядок многие философы античности – *Аристотель*, *Платон*, *Сократ* и др. Например, *Аристотель* писал в своей «Политике»: «Очевидно, что одни люди по природе свободны, другие – рабы, и этим последним быть рабами полезно и справедливо».

Античная эпоха – тот не очень длинный отрезок истории человечества, на котором произошло впервые пересечение рабства и капитализма. Есть, правда, мнение, что такое пересечение произошло еще раньше – в Древнем Вавилоне. Однако до нас дошло слишком мало источников, и достаточно сложно сказать, в какой мере в Древнем Вавилоне был развит капитализм и как он сочетался с рабством²³.

Тут нам следует сказать, что изначально в Древнем Риме существовало *патриархальное рабство* – сравнительно мягкая форма рабства, которая до этого уже существовала в других странах, в том числе в Древней Греции. При патриархальном рабстве основным производителем является крестьянин со своим земельным наделом, зависящий лишь от государственной власти, но лично свободный. А патриархальные рабы выступают в качестве дополнительной рабочей силы. Нередко их главным предназначением является обслу-

подробнее большую статью «Рабство» в: Брокгауз Ф.А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 51. Издательство «Терра», 1992. С. 35–51.

²³ См.: Кравченко А.И. Социология Макса Вебера. Труд и экономика. – М.: На Воробьевых горах, 1997; Джеймс Веллард. Вавилон. Расцвет и гибель города Чудес. Пер. с англ. – М.: ЗАО «Центрополиграф», 2004.

живание хозяина и его семьи. Патриархальное рабство существует в среде преимущественно натурального хозяйства.

В античных странах – Греции и Риме – на смену патриархальному рабству приходит *классическое рабство*, которое характеризуется высокой степенью эксплуатации рабов. Рабский труд используется для производства товарной продукции, классическое рабство существует в условиях определенного развития рыночных, товарно-денежных отношений. И хотя классическое рабство сначала появилось в Греции²⁴, а лишь потом – в Древнем Риме, именно в последнем оно получило наибольшее развитие. За пределами античного мира в ту эпоху классическое рабство в сколь-нибудь больших масштабах не существовало. О различии между патриархальным и классическим рабством можно сказать очень коротко: если в первом случае хозяин смотрел на раба почти как на члена своей семьи, то во втором случае – почти как на вещь.

Нас наиболее интересует та часть истории Древнего Рима, когда зародилось и приобрело достаточно зрелые формы классическое рабство. Это вторая половина республиканского периода и императорский период. Своего пика классическое рабство в Древнем Риме достигло во II–I вв. до н. э., когда оно отодвинуло свободный крестьянский и ремесленный труд на второй план.

²⁴ Классическое рабство в Древней Греции стало быстро развиваться в VIII–VI вв. до н. э., а своего расцвета достигло в V в. до н. э.

До начала XIX века, когда еще в научный и политический обиход не было введено слово «капитализм», да и сам капитализм не получил должного развития, историки, естественно, не проводили никаких параллелей между древностью и современностью. А вот начиная с середины XIX в. некоторые историки обратили внимание на то, что наряду с классическим рабством в Древнем Риме существовал *капитализм*. Среди них – выдающийся авторитет в области истории древнего Рима – немец *Теодор Моммзен*, известный своей многотомной «Историей Рима»²⁵.

Этот автор часто использует слово «капитализм» для описания хозяйства и финансов древнеримского общества.

Существование капитализма в древнем мире впервые серьезно обосновал выдающийся немецкий историк *Эдуард Мейер* в своих книгах «Экономическое развитие древнего мира» (1895) и «Рабство в древности» (1898). Об этом же говорил не менее выдающийся историк, социолог и философ *Макс Вебер*. Он известен нам как автор издававшейся много раз на разных языках книги «Протестантская этика и дух капитализма». Свои мысли о существовании капитализ-

²⁵ Первые три тома, охватывающие период от основания Рима до падения республики, вышли в 1854–1857 годах, пятый том, посвященный римским провинциям, появился в 1885 году, четвертый том, в котором предполагалось изложить правление императоров, написан не был. Одно из последних изданий книги в нашей стране: Моммзен Теодор. История Рима. Пер. с немецкого. – СПб.: Наука, Ювента, 1994. В данной работе мы пользуемся текстом книги Теодора Моммзена «История Рима» (кратким вариантом), размещенным в Интернете на сайте «Библиотека Гумера – история».

ма в древнем мире он изложил в своей мало известной российской читателю работе «Аграрная история древнего мира» (1907).

Примерно в то же время (начало XX века) о капитализме древнего мира писали немцы *Вернер Зомбарт* (работы «Буржуа», «Евреи и хозяйственная жизнь») и *Карл Каутский* («Происхождение христианства»), а также итальянский юрист и экономист *Джузеппе Сальвиоли* («Капитализм в античном мире»).

Из отечественных авторов можно назвать блестящего русского историка и археолога академика *Михаила Ивановича Ростовцева* (1870–1952), который после революции 1917 года эмигрировал из России. Работая в западных университетах, он написал в 2030-х годах прошлого века большое количество работ, в которых касался этой темы. У нас изданы некоторые из них²⁶.

Из последних работ на тему капитализма древнего мира можно назвать обширную статью *Питера Темина* «Экономика Римской империи раннего времени»²⁷.

Все упомянутые выше авторы различают *ранний капитализм*, который существовал в древнем мире (Вавилон, ан-

²⁶ Наиболее последовательно мысль о существовании капитализма в древнем мире выражена Ростовцевым в доступной всем отечественным читателям монографии «Общество и хозяйство в Римской империи» (в 2-х томах. Пер. с нем. – М.: «Наука», 2000–2001).

²⁷ Peter Temin. The Economy of the Early Roman Empire // Journal of Economic Perspectives. Vol.20, #1. – Winter 2006 (имеется в Интернете).

тичная Греция, Рим), и *поздний, или зрелый капитализм*, который стал складываться в Европе после Реформации и победы буржуазных революций. Уже тысячи лет назад существовали наемный труд, капитал, рынок, прибыль и другие атрибуты капиталистической модели общества. Ранний капитализм, по всеобщему мнению, созидательным потенциалом не обладал, а лишь обострял противоречия тогдашнего общества.

Зрелый капитализм (который появился после разрушения феодального общества) имеет историю, исчисляемую несколькими веками, за это время он также сильно видоизменился. Капитализм XIX века выгодно отличался от раннего (античного) капитализма, демонстрировал незаурядные потенции в деле развития производительных сил (вспомним «промышленную революцию» в Англии), вселял некоторую надежду в то, что на его основе будет построено «светлое будущее» (капиталистическое или коммунистическое).

А вот капитализм XXI века такие потенции уже окончательно исчерпал. Сегодня он находится в такой «старческой» форме, которая напоминает кое в чем ранний капитализм Древнего Рима. Подобно тому, как впадающие в старчество люди начинают порой напоминать несмышленных детей. Однако «детство» и «старость» капитализма не столь забавны и безобидны, как «детство» и «старость» обычных людей.

Именно наличие многих общих черт у раннего и позднего капитализма делает актуальным изучение политико-эко-

номической истории Древнего Рима. Глядя в прошлое, мы лучше поймем будущее того общества, в котором оказались и которое называется «капитализм».

То, что капитализм существовал в Древнем Риме, сегодня уже не представляет никакого откровения и никакой сенсации. Но большинство авторов ставят древний капитализм рядом с рабовладельческим способом производства (строем). То есть создается впечатление, что капитализм и рабовладение в древнем Риме как бы *сосуществовали*, что рабовладение могло существовать и само по себе – без капитализма. Мы же хотим обратить внимание на следующее: *капитализм и рабовладение – «две стороны одной медали»*. То есть рабовладение (по крайней мере, в его «классическом», римском варианте) предполагает капитализм, а капитализм предполагает рабовладение. Если мы поймем эту органическую связь капитализма и рабовладения в Древнем Риме, тогда нам легче будет понять и такую очевидную истину: современный капитализм – это лишь одна сторона медали, называемой современным общественным строем. Другая сторона этой медали – рабовладельческий характер этого общественного строя.

1.2. Разрушение как главный признак раннего и позднего капитализма

У раннего и позднего капитализма поразительно много сходных признаков. Важнейший из них – потенциал разрушения. Разрушению подвергается общество, природа, сам человек. Для обоснования этого тезиса будем помимо всего опираться на книгу *Карла Каутского «Происхождение христианства»*, которая была впервые издана в Германии в 1908 году, а уже на следующий год вышла в свет в России²⁸.

Оставляем в стороне те общие выводы, которые делает автор на основе своего анализа: они предвзяты, «подогнаны под марксизм», с ними мы не согласны. А вот «промежуточные» выводы Каутского очень ценны, они базируются на добросовестном анализе большого количества первоисточников. Книга Каутского полезна еще тем, что он (в отличие от всех вышеназванных авторов) проводит подробный сравнительный анализ раннего (античного) и позднего (зрелого) капитализма.

Он выделяет *общие моменты* раннего и зрелого капитализма. Во-первых, это первоначальное накопление капитала: «экспроприация крестьян, грабеж колоний, торговля ра-

²⁸ Последнее русскоязычное издание: Каутский К. Происхождение христианства. – М.: Издательство политической литературы, 1990.

бами, торговые войны и государственные долги»²⁹. Во-вторых, это разрушительные последствия капитализма: «Как в Новое время, так и в античном мире эти методы (*капиталистической эксплуатации*. – В.К.) производили одни и те же опустошительные и разрушительные действия»³⁰.

Одновременно Каутский пытается провести различие между *двумя видами капитализмов*. По его мнению, зрелый капитализм (речь идет о капитализме конца XIX – начала XX веков) представляет собой сочетание разрушающих и созидających начал, в то время как ранний капитализм нес лишь одно разрушение: «Но различие между современным капитализмом и античным заключается в том, что последний сумел развить только свои разрушительные стороны, тогда как первый путем разрушения создает силы для постройки нового, высшего способа производства (Каутский имел в виду социализм. – В.К.). Конечно, методы современного капитализма являются не менее варварскими и жестокими, чем методы античного капитализма, но он создает все-таки основы для устранения этих жестоких и разрушительных действий, тогда как античный капитализм довольствовался только разрушением»³¹.

Мы привыкли считать, что Карл Каутский – последова-

²⁹ Каутский К. Происхождение христианства. – М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 111.

³⁰ Там же. С. 111.

³¹ Там же. С. 111.

тельный и прилежный ученик другого Карла – Маркса. Но вот в пункте, касающемся оценки того, насколько капитализм XIX века разрушителен или созидателен, Карл Каутский явно «смягчил» позицию своего тезки. Маркс прямо, без оговорок формулировал тезис о разрушительном характере капитала. Разрушающему его воздействию подвергаются человек и природа как два основных фактора производства: «производство, основанное на капитале, создает систему всеобщей *эксплуатации природных и человеческих свойств...* Отсюда великое цивилизующее влияние капитала. Соответственно этой своей тенденции капитал преодолевает национальную ограниченность и национальные предрассудки, обожествление природы, традиционное, самодовольно замкнутое в определенных границах, удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство старого образа жизни. *Капитал разрушителен по отношению ко всему этому*»¹. Обращает на себя внимание то, что хотя Маркс признает разрушительный характер капитализма XIX века, он к этому относится снисходительно: ведь разрушение совершается ради развития каких-то отвлеченных и загадочных «производительных сил». Какая-то парадоксальная религия, в которой высшим божеством выступают «производительные силы», ради которых совершаются любые жертвоприношения. Маркс говорит о каком-то «цивилизующем влиянии капитала», ради которого, оказывается, можно пожертвовать и природой, и человеком. Но для того, чтобы че-

людей начал поклоняться новому божеству со странным именем «производительные силы», людей надо оторвать от своих старых верований. Вот почему перед капиталом стоит задача «преодоления национальной ограниченности и национальных предрассудков, обожествления природы». То есть *борьба за торжество капитала есть борьба религиозная.*

К вопросу о разрушительном характере современного капитализма мы еще вернемся в следующих разделах, а теперь сосредоточимся на разрушительном влиянии античного капитализма. Выражаясь словами Маркса, там происходила «эксплуатация человеческих свойств», т. е. эксплуатация рабов. Такая эксплуатация вела нередко не только к физической, но также умственной деградации невольников. Происходила также умственная, нравственная и даже физическая деградация римской элиты – в силу ее праздного существования. Те прибыли и капиталы, которые получали римские чиновники, земельные аристократы, «всадники» (так назывались финансовые олигархи Древнего Рима), шли на *потребление и удовольствия*, в крайнем случае – на производство предметов удовольствия (роскоши). Происходило замещение труда свободного крестьянина трудом раба, а это означает падение производительности труда. Если оставалась еще какая-то прибыль, она шла на скупку земли, что означало экспроприацию крестьянства, замещение свободного труда в сельском хозяйстве рабским, создание армии люмпен-пролетариев из вчерашних крестьян.

«Следовательно, грабеж и опустошение провинций доставляли (...) денежным капиталистам Рима средства для того, чтобы еще больше усилить процесс уменьшения производительности общественного труда путем распространения рабства (...) Но долго еще эти признаки экономического банкротства скрывались в ослепительном блеске собранных в Риме сокровищ: в течение нескольких десятилетий туда стекалось все, что создали столетия, даже тысячелетия упорного художественного труда во всех культурных странах, лежавших вокруг Средиземного моря»³².

Спрашивается: если в обществе преобладал рабский, а не наемный труд, почему такое общество упомянутые выше авторитетные авторы называют «капитализмом»? Ответ находим у того же Каутского. Он признает, что рынок рабочей силы в Древнем Риме был очень узким. Производство, базирующееся на использовании наемной рабочей силы, как отмечают историки, в основном ограничивалось горной промышленностью (рудники) и производством некоторых предметов роскоши (где требовался квалифицированный труд). Со временем сфера использования наемного труда все более сужалась. Например, те же предметы роскоши стали полностью импортироваться.

Свободные граждане Римской империи просто не желали работать, рассчитывая на «социальную помощь» со стороны государства. Зачем трудиться, если только в столице

³² Каутский К. С.112.

империи ежедневно под бесплатную раздачу «хлеба и зрелищ» подпадало в среднем около трети населения города? Таким образом, в Древнем Риме вместо пролетариата возникло такое уродливое явление, как «люмпен-пролетариат». Последний, как мы покажем ниже, был жизненно необходим олигархии Рима.

Если в качестве главного признака капитализма рассматривать не характер господствующих трудовых отношений (наемный или рабский труд), а *цель хозяйственной деятельности*, то у нас больше оснований говорить о том, что в Древнем Риме существовал капитализм.

Речь идет лишь о том, что могут существовать два типа капитализма:

- а) капитализм, основанный на труде работников, являющихся собственностью работодателя (прямых рабов);
- б) капитализм, основанный на труде наемных работников (наемных рабов).

Оба типа капитализма объединяет цель хозяйственной деятельности – ориентация не только и не столько на удовлетворение естественных потребностей человека, сколько на абстрактный денежный результат. Это модель хозяйства, которую греческий ученый Аристотель называл *хрематистикой*. Аристотель разделял хозяйственную деятельность на два вида:

- а) экономика – домостроительство, т. е. удовлетворение жизненно необходимых потребностей человека;

б) хрематистика – накопление богатства. При этом Аристотель полагал, что в некоторых случаях накопление необходимо. Например, создание страховых запасов зерна. Но большинство случаев накопления богатства он рассматривал как противоестественную деятельность, противоречащую природе человека. Аристотель жил в IV в. до н. э., и то, что он проводил такое деление хозяйственной деятельности, лишний раз доказывает то, что в те времена в античном мире капитализм уже существовал³³.

В раннем Риме преобладало натурально-патриархальное хозяйство, слабо связанное с рынком. Принадлежащие богатым римлянам-рабовладельцам хозяйства обеспечивали их всем необходимым для удовлетворения сначала жизненных потребностей, а затем и более изысканных. Однако пресловутый «закон возвышения потребностей» привел к тому, что со временем богатым римлянам-сибаритам этого уже оказалось недостаточно: многие предметы роскоши можно было только купить. Это различные пряности, благовония, золото и изделия из него (в пределах Италии и примыкающих к ней

³³ Наиболее типичной формой хрематистики Аристотель считал ростовщичество: «Так как хрематистика расположена рядом с экономикой, люди принимают ее за саму экономику; но она не экономика. Потому что хрематистика не следует природе, а направлена на эксплуатацию. На нее работает ростовщичество, которое по понятным причинам ненавидится, так как оно черпает свою прибыль из самих денег, а не из вещей, к распространению которых были введены деньги. Деньги должны были облегчить торговлю, но ростовщический процент увеличивает сами деньги. Поэтому этот вид обогащения самый извращенный» (Аристотель. Никомахова этика).

территорий золото вообще не добывалось), шелковые ткани, изделия из кости, драгоценные камни и украшения, некоторые сорта вин, редкие птицы и животные, экзотические растения, фарфоровая посуда, оружие и т. д.

Для всех этих удовольствий и «изысков» нужны были деньги, и натурально-патриархальные хозяйства стали преобразовываться в товарные хозяйства. *Рабы стали производить для своих хозяев не предметы потребления и личные услуги, а деньги.* Таким образом, на смену патриархальному рабству пришло рабство, которое историки называют «классическим».

На территориях римской метрополии (Рим и прилегающие к нему области Апеннинского полуострова) производились на продажу (в том числе на экспорт) вина, оливковое масло, металлы, шерсть.

Однако таких экспортных производств было недостаточно, поэтому деньги стали зарабатывать также *международной торговлей*. Благо, для римлян торговля в рамках подконтрольных Риму территорий была беспошлинной. Часть рабов была занята в торговом судоходстве и сухопутной транспортировке товаров. Римские торговцы обслуживали не только метрополию, они также занимались поставками товаров для других территорий без захода в порты Италии. Кроме торговли обычными товарами также активно торговали «живым» товаром – рабами. Торговля как бизнес могла бы получить большее развитие, если бы не такой негативный

фактор, как пиратство. Многочисленные суда корсаров (пиратов) курсировали вдоль берегов Италии и по всему Средиземному морю, грабя торговые суда разных стран, в том числе итальянские. Таким образом, высокая прибыль от торговли частично «съедалась» потерями от пиратских грабежей.

Историки Рима говорили о возникновении во II в. до н. э. *капитализма – преимущественно не промышленного, а торгового. Моммзен писал про это время: «Внешняя торговля получила весьма широкое развитие отчасти в силу естественных причин, отчасти и потому, что во многих покровительствуемых Римом государствах римляне и латины не платили таможенных пошлин (...) Промышленность, во всех отраслях которой употреблялся рабский труд, тоже развивалась, но далеко не столь значительно, как торговля (...) Стремление к приобретению богатства, к увеличению своего благосостояния охватило мало-помалу всю нацию (выделен мною. – В.К.)»³⁴.*

Целый ряд авторов обращают внимание на то, что капитализм Древнего Рима был весьма специфическим: тогдашний хозяин-капиталист использовал в качестве рабочей силы только рабов, «живое имущество». В то же время в Древнем Риме формально существовали предпосылки для формирования модели капитализма, основанного на использовании наемной рабочей силы: с одной стороны, многие патриции скопили большой капитал; с другой стороны, мно-

³⁴ Моммзен Т. История Рима. С. 117.

гие плебеи разорились, превратились в люмпен-пролетариев, населявших Рим и другие крупные города Италии. Однако соединения (по крайней мере, массового) капитала со свободными рабочими руками в Древнем Риме так и не произошло. Если бы такое соединение произошло, то тогда в Древнем Риме получил бы развитие капитализм, который мы могли бы условно назвать «промышленным». Видимо, у богатых «верхов» Рима не было достаточных стимулов и желания заниматься предпринимательством. Да и люмпенизированные «низы», которые уже привыкли к праздному образу жизни («хлеба и зрелищ»), не представляли качественной рабочей силы. Одним словом, *капитализм производительного типа, основанный на наемном труде, в Древнем Риме не состоялся*³⁵. У богатых «верхов» была более простая и вы-

³⁵ К. Маркс в своем письме в редакцию «Отечественных записок» обращает внимание на этот парадокс Древнего Рима: одновременное наличие капиталов и свободных рабочих рук; однако, как отмечает Маркс, это не привело к образованию в Риме капитализма, подобного тому, который сложился в Англии в XVIII–XIX вв. По мнению Маркса, это пример того, как культурно-исторические условия могут влиять на развитие капитализма; он привел этот пример для того, чтобы показать, что у России может быть свой путь социально-экономического развития, отличный от Англии (Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок», ноябрь 1877. // «К.Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия». – М., 1967). С последним замечанием К. Маркса нельзя не согласиться. Однако нельзя согласиться с окончательным выводом Маркса по поводу Древнего Рима: классик пришел к заключению, что капитализма там не было вообще. На самом деле там был капитализм, но существенно отличавшийся от английского. *Римский капитализм был в первую очередь ростовщическим, а английский (конец XVIII – начало XIX вв.) был в первую очередь промышленным.*

годная альтернатива – ростовщический бизнес, который избавлял их от необходимости иметь дело с наемной рабочей силой и рисками промышленной (ремесленной) и торговой деятельности.

Этот вид бизнеса был более прибыльным, чем ремесленное производство и сельское хозяйство, и в то же время – менее рискованным, чем международная торговля. Тот же Моммзен писал о Риме II в. до н. э.: «В колоссальных размерах (...) развивалось в Риме денежное хозяйство. Уже во время Катона³⁶ не только в Риме, но и в провинциях действовало множество банкиров, которые являлись посредниками в самых разнообразных торговых и промышленных предприятиях и во всевозможных денежных расчетах»³⁷.

Общественную модель той эпохи можно назвать *денежным капитализмом*. О денежном капитале Древнего Рима мы будем говорить ниже.

³⁶ Катон (234–149 до н. э.) – государственный деятель, сенатор, цензор, автор многих законов (прим. – В.К.).

³⁷ Моммзен Т. История Рима. С. 118.

1.3. Паразитическое потребление как признак древнеримского общества

Мы уже отметили важнейшую особенность античного капитализма – ориентация общества (прежде всего, его элиты) на потребление и получение удовольствий. Речь идет не о разумном потреблении, удовлетворении естественных потребностей человека, а о некоей страсти (болезненном состоянии) человека, когда он переходит эти границы разумного (достаточного) потребления. Речь идет о таком состоянии общества, когда эта болезненная страсть становится социальной «нормой» и почитаемым «культом».

Теодор Моммзен в своей «Истории Рима» неоднократно повторяет: «Расточительность и чувственные наслаждения – таков был общий лозунг (элиты Рима. – В.К.)». Описывая жизнь Рима II в. до н. э., он отмечает: «В Риме развивалась не та изящная роскошь, которая является цветом цивилизации, а та роскошь, которая была продуктом клонившейся к упадку эллинской цивилизации в Малой Азии и Александрии. Эта роскошь низводила все прекрасное и высокое на уровень простой декорации; наслаждения подыскивались с таким мелочным педантизмом, с такой надуманной вычурностью, что это вызывало отвращение у всякого человека,

неиспорченного душой и телом»³⁸.

Роскошь и искание чувственных удовольствий проявлялись во всем: званых обедах и пирах, одежде и нательных украшениях, скульптурах и интерьере, архитектуре и устройстве садов, организации зрелищ (например, игр гладиаторов, цирков, театрализованных представлений), похоронах, щедрых жертвоприношениях в языческих храмах и т. п. Неимоверно распространились азартные игры, проституция и прочие пороки, которые требовали немалых денег.

В античной философии эти болезненные страсти аристократии находили объяснения и обоснования в разного рода теориях. Например, было разработано учение о гедонизме. Вот что говорится в энциклопедии об этом учении: «Гедонизм – философское и этическое учение, обосновывающее наслаждение высшей целью человеческого существования. Оно зародилось в античном обществе, основанном на рабском труде, и затем возрождается в эпоху позднего феодализма и раннего капитализма». Вот что мы читаем в Большой советской энциклопедии по данному вопросу: «Гедонизм (от греч. *hedone* – наслаждение), этическая позиция, утверждающая наслаждение как высшее благо и критерий человеческого поведения и сводящая к нему всё многообразие моральных требований. Стремление к наслаждению в Г. рассматривается как основное движущее начало человека, заложенное в него природой и предопределяющее все его

³⁸ Моммзен Т. История Рима. С. 178.

действия, что делает Г. разновидностью антропологического натурализма. Как нормативный принцип Г. противоположен аскетизму.

В Древней Греции одним из первых представителей Г. в этике был основоположник киренской школы Аристипп (начало IV в. до н. э.), видевший высшее благо в достижении чувственного удовольствия. В ином плане идеи Г. получили развитие у Эпикура и его последователей (*эпикуреизм*)...»³⁹

Тяга к потреблению и удовольствиям со стороны римской элиты проявлялась в немалом количестве рабов, которые непосредственно обслуживали своего хозяина. В одной из своих сатир *Гораций* отмечает, что минимум, которым может довольствоваться человек, живущий скромно, составляет десять рабов. В домашних хозяйствах богатых римских олигархов их число могло возрасти до нескольких тысяч. В лучшие времена (когда цены на рынке рабов были высокими) эти так называемые «домашние» рабы сами начинали вести роскошный, а порой и распутный образ жизни. *Карл Каутский* пишет по этому поводу: «Если варваров отдавали на плантации и рудники, то более образованных, в особенности греческих, рабов причисляли к «городской семье», т. е. к городскому дому. Среди рабов были не только повара, писцы, музыканты, педагоги, актеры, но и врачи, и философы. В противоположность рабам, служившим для добывания денег, такие рабы в большинстве случаев несли не

³⁹ Большая советская энциклопедия, статья «Гедонизм».

особенно обременительную службу»⁴⁰. Далее Каутский продолжает: «Громадное большинство их были такими же грабителями, как их господа»⁴¹. То есть, «домашние» рабы так же, как их хозяева, были одержимы страстью обогащения и получения удовольствий и ради этого были готовы идти на многое.

В чистом виде потребительским было также поведение уже упоминавшихся нами люмпен-пролетариев, составлявших значительную (иногда большую) часть населения городов Италии. Ведь они требовали от государства и олигархов не работы, а «хлеба и зрелищ». Те свободные римские граждане, которые не желали довольствоваться скромными «стандартами потребления» люмпен-пролетариев, но не могли попасть в богатую элиту римского общества, нередко становились на путь разбоев и грабежей. Таких римлян, как отмечает Моммзен, в метрополии во все времена было предостаточно. Он также обращает внимание, что многие не могли выносить этой смрадной атмосферы римского «общества потребления». Они были вынуждены эмигрировать, иногда даже очень далеко – за пределы империи.

Страсть к потреблению и страсть к обогащению неотделимы друг от друга. Но все-таки между ними есть некоторые различия. Страсть к обогащению еще более иррациональна, чем страсть к неумемному потреблению. Это хорошо по-

⁴⁰ К. Каутский, с. 74–75

⁴¹ Там же, с. 75..

казал А.С. Пушкин в «Скупом рыцаре»: происходит непрерывное стяжание и накопление богатств, но оно не завершается потреблением. В раннем (римском) капитализме из двух страстей более определяющей была страсть к потреблению, в позднем (современном) капитализме – к обогащению (накоплению). Об этом писал также Каутский: «Если современного капиталиста характеризует страсть к *накоплению капитала*, то знатного римлянина времен Империи, эпохи, в которую возникло христианство, отличает *страсть к наслаждениям*. Современные капиталисты накопили капиталы, в сравнении с которыми богатства самых богатых древних римлян кажутся незначительными. Крезом среди них считался (...) Нарцисс, имевший состояние в 90 миллионов марок. Что значит эта сумма в сравнении с теми 4000 миллионов, которые приписываются Рокфеллеру? Но расточительность, которой отличаются американские миллиардеры, несмотря на ее размеры, вряд ли может сравниться с расточительностью их римских предшественников, которые угощали своих гостей соловьиными языками и распускали в вине жемчужины»⁴².

Справедливости ради следует отметить, что уже в древнем Риме наблюдались признаки усиления склонности финансовой олигархии к накоплению капитала. Моммзен писал о Риме II в. до н. э.: «Считалось долгом совести и порядочности аккуратно вести свои денежные дела и увеличивать, а

⁴² Каутский К. С. 74.

не проживать полученное наследство»⁴³.

Однако эта норма «порядочности» не успела в полной мере развиться в Риме не только республиканской, но и имперской эпох. Даже в эпоху императоров, когда некоторые из них пытались навести элементарный порядок в хозяйственной жизни и ограничить безудержное расточительство элиты, указанная норма «порядочности» была пустым лозунгом. Реальной нормой жизни было *наличие больших долгов* у аристократии. Причем аристократия считала это положение именно «нормой» и не особенно по этому поводу переживала. Сами императоры нередко жили в долг. *Светоний*, например, писал о *Юлии Цезаре*: «Цезарь с увлечением собирал произведения искусства, а за красивых и ученых рабов платил такие неслыханные цены, что даже сам запрещал вносить их в хозяйственную отчетность. Близ озера Неми он построил за огромные деньги виллу, но она ему не понравилась, и он приказал скрыть ее до основания. Плутарх сообщает, что Цезарь еще до того, как получил первую должность, очевидно квестуру, имел долгов на 1300 талантов (или 8 млн. денариев). Однако это ничуть не повлияло на широкий образ его жизни и на щедрость его трат в ближайшем будущем»⁴⁴. Так что без особых натяжек римский капитализм можно назвать преимущественно «*потребительным*»⁴⁵.

⁴³ Моммзен Т. История Рима. С. 118.

⁴⁴ Светоний. Жизнеописания 12 цезарей.

⁴⁵ Ниже мы покажем, что современный капитализм, оставаясь «потребитель-

Потребление существует в любом обществе, без него общество (и просто человеческая жизнь) невысказимо. Говоря о «потребительском» обществе (капитализме), мы имеем в виду такое общество, в котором *нарушен баланс производства и потребления в сторону потребления*. Сколь-нибудь долго «потребительское» общество может существовать лишь при наличии каких-то внешних источников (короткое время оно может держаться на внутренних резервах, запасах). Такое общество не просто «потребительское», оно одновременно «паразитическое».

Сейчас мы хотели бы акцентировать внимание на том, что *между культом (страстью) потребления и разрушением существует самая тесная причинно-следственная связь:*

во-первых, потребление – это процесс «переваривания», «перемалывания», «разрушения» материальных благ (потребительских товаров, средств производства, ценностей); процессы «разрушения» опережают процессы «созидания» материальных благ;

во-вторых, чтобы обществу (той или иной социальной группе) получить прямой и быстрый доступ к материально-

ным», в то же время и в первую очередь является «накопительным». Второе его свойство обусловлено тем, что целью экономической деятельности является накопление капитала, которое не завершается потреблением; т. е. накопление капитала становится бесконечным процессом. В основе этого процесса лежат «духовные» потребности отошедшего от Бога человека. Об этом я пишу в моей недавно вышедшей книге (Катасонов В.Ю. Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма. – М.: Кислород, 2013).

му благу – объекту потребления, необходимо применение силы, а сила всегда разрушительна (разрушению подвергаются все стороны человеческого бытия и сам человек).

Эта связь в древнеримском обществе подтверждается тысячами фактов из ее истории – экономической, социальной, военной.

1.4. Истинные масштабы рабства в Древнем Риме

С легкой руки классиков марксизма у нас Древний Рим ассоциируется исключительно с рабовладением. В сознании среднестатистического россиянина Древний Рим – общество, в котором есть лишь рабовладельцы и рабы. По многочисленным фильмам создается представление о том, что у каждого рабовладельца должно быть как минимум десяток-другой рабов. Следовательно, в римском обществе рабов должно быть не менее 90 %.

Однако такая картина далека от реальности. Были, конечно, богатые патриции, у которых на полях, в ремесленных мастерских и по дому работали сотни и тысячи рабов. Но таких богатых патрициев в Древнем Риме было всего несколько сотен.

В то же время далеко не все свободные римские граждане вообще имели рабов. Среди свободных римлян кроме патрициев были еще плебеи, последних было гораздо больше. Многие плебеи часто обходились вообще без рабов. Плебеи, как правило, зарабатывали свой хлеб трудом и потом. На полях, в ремесленных мастерских или в торговой лавке. В лучшем случае имея в качестве помощников одного-двух рабов, которые были скорее членами семьи плебея, чем бесправными холопами.

В раннем Риме имело место в основном патриархальное рабство – в отличие от рабства «классического», которое появилось в эпоху поздней республики. Кстати, существует массовое заблуждение, что во многих странах того времени существовало «классическое» рабство, т. е. такое же, как в Древнем Риме. Как отмечают исследователи, в странах Древнего Востока рабы имели право на семью и личное хозяйство, дети их становились свободными. Рабы становились членами семьи, а хозяин нес ответственность за их здоровье и жизнь.

«Классическое» же рабство – феномен почти исключительно античного мира, прежде всего римского. Такая форма рабства появилась в период так называемого *«расцвета» рабства* в Италии. Этот период начался примерно со II в. до н. э. и охватил два-три века. То есть он закончился, по мнению некоторых историков, в конце I в. до н. э.; по мнению других историков – в конце I в. н. э. (т. е., так или иначе, конец *«расцвета» рабства* примерно совпадал с временем земной жизни *Иисуса Христа*). В это время происходили наиболее успешные внешние завоевания и присоединение к Риму новых провинций.

По мнению историка *М. Финли*, в период *«расцвета» рабства* в Италии было около 2 млн. рабов. По оценке другого историка – *П. Бранта*, число рабов в это время находилось в диапазоне 2–3 млн. человек. Учитывая, что свободных граждан в Италии в это время проживало 4–5 млн. человек, полу-

чается, что отношение числа рабов к числу свободных граждан определялось как 1: 2,5 или 1: 2⁴⁶.

Следует иметь в виду три дополнительных обстоятельства.

Во-первых, в другие периоды римской истории абсолютное и относительное количество рабов в метрополии было существенно меньше того рекордного уровня, который был достигнут в указанный период «расцвета рабства». Так, в середине V в. до н. э., по данным *Дионисия Галикарнасского*, при общей численности населения Рима с прилегающими территориями в 440 тыс. человек количество рабов вместе с вольноотпущенниками составляло не более 50 тысяч. В это время у римлян, которые привыкли все делать собственными руками и у которых еще не было неумемной жажды богатства, не было и особой потребности в рабской рабочей силе. В случае захвата пленных римляне обычно их убивали или, в крайнем случае, продавали. Если римские воины и брали с собой домой рабов, то это выглядело некоей «экзотикой». Такие «трофейные» рабы использовались в домашнем хозяйстве, нередко они становились по статусу чуть ли не членами семьи римлянина, обзаводились имуществом, создавали собственные семьи. В товарном производстве рабы тогда почти не использовались, да и само товарное производство существовало в зачаточной форме. То есть рабство

⁴⁶ См.: M. Finley. *Ancient Slavery and Modern Ideology*. New York, 1980, p. 80; P. Brunt. *Italian Manpower, 225 B.C. – A.D.14*. Oxford, 1971, pp.4, 121124.

имело незначительные масштабы и носило исключительно патриархальный характер.

Как отмечает известный историк древнего Рима *С. Николе*, уже в конце I в. до н. э. и еще более явно в I в. н. э. в Древнем Риме стали сокращаться масштабы рабства. Потенциал провинций Римской империи как источников поставки «свежих» рабов был близок к исчерпанию. Военно-экономический потенциал Римской империи, столь необходимый для «освоения» новых территорий и новых источников рабов, был также близок к своему полному исчерпанию.

Во II–III вв. н. э. рабы стали составлять небольшой процент численности населения Италии. Рабы стали дорогими, их стали использовать только как домашнюю прислугу у богатых римлян. Далее и вплоть до конца существования Римской империи в 476 г. н. э. рабов было крайне мало, а подавляющую часть населения стали составлять колонны. Советская историческая наука утверждала, что колонат представлял собой одну из форм рабовладельческих отношений. Однако многие зарубежные и отечественные историки, среди которых следует выделить *Эдуарда Мейера* и *М.И. Ростовцева*, считали, что колонат представлял уже разновидность крепостной зависимости.

Во-вторых, следует иметь в виду, что рабовладение было распространено преимущественно в метрополии – Италии. Может быть, по уровню развития рабства с Италией были сопоставимы Сицилия и некоторые области Испании. Осталь-

ные территории, входящие в состав Римской империи, в гораздо меньших масштабах использовали рабский труд. Таков был вывод русского историка М.И. Ростовцева. В начале имперского периода римской истории (конец I в. до н. э. – середина I в. н. э.) численность населения Римской империи, по разным оценкам, составляла от 50 до 70 млн. человек. Оценки доли рабов в этом населении варьируются от 4 до 8 процентов.

В-третьих, согласно многим оценкам, из общей численности рабов, имевшихся в Италии в период «расцвета» рабства, примерно половина была задействована в качестве «домашних рабов» и в хозяйствах, обеспечивающих собственное потребление хозяев-рабовладельцев. Таким образом, даже в эпоху «расцвета» рабства в Римском государстве патриархальное рабство не исчезло, а лишь дополнилось «классическим». То есть в хозяйствах, ориентированных на рынок, на получение денег, было задействовано около 1 млн. (максимум – 1,5 млн.) рабов. Это составляло примерно 20–25 % общей численности населения Италии.

Таким образом, «классическое» рабство в римском обществе было важной, но не единственной формой общественно-экономических отношений. Определение Древнего Рима как типичной рабовладельческой общественно-экономической формации (марксистский подход) является большой натяжкой. На ранних этапах развития Римского государства рабство имело преимущественно натурально-патриархаль-

ную форму и играло подчиненную роль в хозяйстве. В период так называемого «расцвета» римского рабства оно дополнилось «классической» формой (использование рабского труда в товарном производстве). В поздний период исторического развития римского государства рабство было заменено колонатом – разновидностью крепостничества.

«Классическому» рабству можно дать еще название «*капиталистическое*» рабство (использование рабского труда для получения рабовладельцем денежного капитала). Как показал исторический опыт Древнего Рима, «капиталистическое» рабство не могло существовать на больших пространствах (оно ограничивалось в основном Италией) и очень длительное время (даже в Италии оно просуществовало два – максимум три века).

Мы видим, что «капиталистическое» рабство в Древнем Риме имело весьма ограниченный потенциал развития. Это была модель *типично экстенсивного хозяйственного развития*. После того, как приток «свежих» рабов в метрополию стал сокращаться, все более явно стали проступать разрушительные свойства указанной модели хозяйства.

Не менее ограниченный потенциал своего развития продемонстрировал также капитализм нового времени. Однако в отличие от древнего «капиталистического» рабства современный капитализм пытался и пытается компенсировать свою несостоятельность вовлечением в рабство гораздо больших масс населения. Если в те времена ресурсы деше-

вой, почти бесплатной рабочей силы черпались из провинций Римской империи (общая численность их населения – 30–40, максимум 50 млн. человек), то сегодня Запад черпает такие ресурсы из всех уголков мира (миллиарды рабочих рук). А это означает, что потенциал разрушения у современного капитализма может оказаться несравненно более мощным, чем у «капиталистического» рабовладения Древнего Рима⁴⁷.

⁴⁷ О характере и масштабах рабства в современном мире у нас будет еще разговор впереди. Здесь лишь сошлемся на известного историка, социолога и политолога А. Зиновьева. По его мнению, масштабы рабства в древнем Риме (имеются в виду не только абсолютные, но и относительные масштабы рабства, причем, в первую очередь, рабства «классического») были меньше, чем масштабы современного рабства на Западе (см.: Зиновьев А.А... Запад. Феномен западнизма. – М., 2000. Данная книга переиздавалась несколько раз и имеется в Интернете).

1.5. Финансово-экономическая основа римского паразитизма

Поскольку в метрополии Римской империи потребление имело ярко выраженное преобладание над производством (созиданием), такое общество без натяжки можно назвать «паразитическим». Такой паразитизм в самом общем виде имел две взаимосвязанные основы: а) военную; б) финансово-экономическую.

Военная основа – захват материальных благ (объектов потребления) в результате применения военной силы. На этапе становления империи, когда ее границы расширились, в состав империи входили все новые и новые провинции, это был основной источник паразитического потребления метрополии. Приобретаемые подобным образом материальные блага (или их эквиваленты в виде денежных металлов – золота и серебра) назывались по-разному: *трофеями, контрибуциями, репарациями, данью*. Поступления благ в метрополию имели разовый характер или ограничивались каким-то сроком.

Часть дани оказывалась в руках военных начальников, солдат, других частных лиц. Другая часть попадала в Римскую казну. В Древнем Риме были специальные законы и предписания, определявшие порядок деления дани на указанные две части. В реальной жизни, конечно, эти нормы не

соблюдались: частные лица, как правило, присваивали себе больше положенного.

Финансово-экономическая основа – получение материальных благ из провинций на постоянной основе. Эта основа становилась все более важной, а затем стала главной (по отношению к военной основе) по мере того, как замедлялось (а затем и прекратилось) расширение внешних границ империи. Финансово-экономическая основа, в свою очередь, включала два основных источника: а) собственность римского государства (императора) в провинциях; б) налоги, уплачиваемые провинциями в пользу метрополии.

Собственность Римского государства (императора) в провинциях. Речь идет, прежде всего, о сельскохозяйственных землях и рудниках на захваченных территориях – они объявлялись римской собственностью. Затем государство (или император) сдавало их в аренду, а плата за пользование поступала в казну.

Об этом источнике применительно к временам поздней Римской республики (II–I вв. до н. э.) достаточно подробно писал *Теодор Моммзен*. Он, в частности, отмечал, что в провинциях римское государство присваивало в свою полную собственность все земли государств, уничтоженных по праву завоевания. В государствах, в которых римское правительство пришло на смену прежних правителей, – земли этих последних. По праву завоевания считались римскими государственными доменами земли Леонтины, Карфагена и

Коринфа, удельные владения царей Македонии, Пергама и Кирены, испанские и македонские рудники. Они, точно так же как территории Капуи, сдавались римскими цензорами в аренду частным предпринимателям за плату в виде фиксированной годовой суммы или за долю дохода.

Гай Гракх (153–121 до н. э.) пошел в этом отношении еще дальше: он объявил все провинциальные земли римскими государственными доменами и провел этот принцип на практике, прежде всего, в провинции Азии, мотивируя взимание здесь десятины, пастбищных и портовых сборов правом собственности Римского государства на пашни, луга и берега провинций – безразлично, принадлежали ли они раньше царям или частным лицам⁴⁸.

Налоги, уплачиваемые провинциями в пользу метрополи. В свое время (ранняя Римская республика) казна Рима пополнялась за счет собственных налогов, взимаемых с римских граждан. Прежде всего, это поземельная подать. Также налоги, взимаемые в случае освобождения рабов; налоги на наследство; косвенные налоги (импортные пошлины). Были и такие внутренние источники пополнения казны, как доходы от государственных земель и государственных приисков, доходы от государственных регалий (на чеканку монеты, соляная регалия).

Однако постепенно внутренние налоги стали отменяться

⁴⁸ См.: «Экономика и хозяйство поздней Римской республики» // Интернет. Сайт «Всемирная история».

или их ставки снижались. Во II в. до н. э. в Италии прекратилось взимание поземельной подати, а свобода римских землевладельцев от этой подати, как отмечал *Моммзен*, стала их конституционной привилегией. Был отменен и налог на наследство. Как отмечает Моммзен, остались лишь немногочисленные налоги на роскошь и таможенные сборы. Из внутренних источников пополнения казны оставались еще доходы от отдачи в аренду оставшихся у государства земельных участков.

По мере сворачивания внутренних налогов в Италийской области в провинциях вводились прямые и косвенные налоги. Моммзен обращает внимание на то, что провинции империи имели *разный налоговый статус*.

Покровительствуемые государства, т. е. признанные совершенно суверенными (например, царства Нумидия и Каппадокия, союзные города Родос, Мессана, Тавромений, Мессалия, Гадес), были по закону свободны от римских налогов. По договору с Римом они должны были лишь во время войны поддерживать Рим поставкой определенного количества кораблей или войск (за свой счет), оказывать иную помощь в чрезвычайных случаях. Впрочем, даже граждане городов и государств-союзников Рима не имели всех тех прав, которые имели граждане Рима. Так, вокруг Рима на Апеннинском полуострове проживали *италики*. Они участвовали в качестве союзников Рима в военных походах, но, тем не менее, италики не имели долгое время всего объема гражданских прав,

которые имели жители Рима (т. е. не имели статуса римского гражданина). Италики не были в полной мере защищены от произвола римских властей; также богатые италики не могли наравне с римскими аристократами грабить провинции Римской державы.

Остальные провинции уплачивали как прямые, так и косвенные налоги. Для свободных городов на их территориях исключений почти не делалось (лишь несколько городов имели налоговый иммунитет). По данным *Моммзена*, в Сицилии и Сардинии *прямые налоги* представляли собой десятую часть урожая зерна и плодов (винограда, маслин и др.) и денежный сбор с пастбищ. В Македонии, Ахайе, Кирене, в большей части Африки, в Испании и со времен Суллы также в Азии прямые налоги состояли из определенной заранее денежной суммы (*stipendium, tributum*), которую каждая отдельная община должна была ежегодно уплачивать Риму. Для всей Македонии, например, эта сумма была установлена в 600 тыс. денариев. Такие налоги распределялись между членами общин на основе общих правил, устанавливаемых римским правительством.

Косвенные налоги в те времена – прежде всего таможенные пошлины, а также сборы за проезд (дорожные, мостовые, канальные). Римские торговцы согласно договорам с провинциями, как правило, освобождались от уплаты таможенных пошлин при ввозе своих товаров в эти провинции. Пошлины, собираемые в покровительствуемых (союз-

ных) государствах, в казну Рима не шли. В остальных провинциях – шли в Рим; следовательно, они представляли собой римские таможенные округа.

Сбор как прямых, так особенно и косвенных налогов осуществлялся с помощью *частных откупщиков*. В Риме право на сбор налогов покупали крупные откупщики, внося сразу всю годовую сумму налогов в казну. Затем они передавали (также за плату) право собирать налоги в провинциях местным откупщикам. О системе откупов у нас еще будет разговор ниже.

Помимо регулярных налогов в пользу Рима время от времени могли осуществляться средства *реквизиции*. Это изъятие имущества в провинциях преимущественно для снабжения римских войск на местах. Римское государство, в принципе, брало на себя обеспечение войск всем необходимым: оплату жалованья солдат и их начальников, снабжение продовольствием и другими предметами. Правда, в случае необходимости население должно было предоставлять войскам помещения для ночлега, дрова, продукты, сено и т. д. Военачальники могли даже требовать у местного населения рабов и деньги. Подобные реквизиции рассматривались как операции купли-продажи или займа, поскольку позднее предполагалась денежная компенсация за реквизированное имущество из казны. Однако зачастую такие операции не были справедливыми и добровольными сделками. Цены по таким операциям определяли римские военачальники и чиновники.

ки, а задержки в денежных компенсациях были длительными. Моммзен считает, что реквизиции – одна из наиболее тяжелых для местного населения форм обременения со стороны Рима. Римские власти пытались навести порядок в сфере реквизиций, однако эффективность этих мер была не высока. Некоторые реквизиции носили характер наказаний и никаким компенсациям не подлежали. Как отмечает *Моммзен*, в 83/84 г. до н. э. *Сулла* заставил жителей Малой Азии, правда, чрезвычайно провинившихся перед Римом, уплачивать каждому помещенному у них на постой солдату жалованье в 40-кратном размере (по 16 денариев в день), а каждому центуриону – в 75-кратном размере.

Еще одно обременение со стороны Рима – различные *повинности городских общин*. Речь идет о затратах на ремонт гражданских зданий и вообще все гражданские расходы на местах, которые осуществлялись из городских бюджетов. Но часть этих затрат была связана с обслуживанием римских войск. Это затраты на строительство и ремонт военных дорог вне Италии, расходы на содержание флота в неиталийских морях и т. д.

Городские общины финансировали содержание своих ополчений (если такие ополчения допускались Римом). Однако Рим все чаще стал пользоваться услугами таких ополчений для решения своих военных задач за пределами тех городов и провинций, где эти ополчения были сформированы. *Моммзен* отмечает, что фракийцы, например, перебра-

сывались в Африку, африканцы – в Италию и т. д. Фактически Рим даже стал поощрять создание в провинциях ополчений (за счет местных бюджетов) для того, чтобы потом использовать это «пушечное мясо» в своих военных операциях. Раньше провинции терпели бремя римских налогов, поскольку Рим брал на себя все военные расходы и обеспечивал военную безопасность провинций («военный зонтик»). Так что созданная Римом система налогообложения имела хоть какое-то оправдание. Но система стала выглядеть совершенно несправедливой, когда провинциям было навязано участие в военных операциях за пределами их границ: к финансовой повинности добавилась *повинность военная*⁴⁹. Изучая историю взаимоотношений метрополии и провинций в Римской империи, невольно проводишь параллели с сегодняшним днем. Взять ту же «военную повинность» провинций Римской империи. Сегодня Соединенные Штаты (аналог Римской метрополии) в рамках НАТО заставляют своих союзников участвовать в военных операциях, задуманных Вашингтоном, в самых разных точках земного шара. США не стесняются в таких операциях использовать «пушечное мясо» не только из стран-членов НАТО, но даже бывших социалистических стран. За примерами далеко ходить не надо: это и операция по фактической оккупации Ирака, и военные действия «международных сил» в Афга-

⁴⁹ См.: «Экономика и хозяйство поздней Римской республики» // Интернет. Сайт «Всемирная история».

нистане, и т. п.

Моммзен и другие историки отмечают, что в целом налоговое бремя Рима, возлагаемое на провинции, было достаточно умеренным. Величина этих налогов определялась таким образом, чтобы покрывать военные расходы Рима. Римская казна была предназначена, прежде всего, для военных целей. Рим постоянно подчеркивал, что это не казна Италии, а *союзная военная казна территорий и городов, объединившихся под эгидой Рима*. В Римском Сенате (а в эпоху империи и из уст императоров) регулярно звучали слова, смысл которых сводился к следующему: не следует извлекать материальных выгод из политической и военной гегемонии; эта гегемония носит «бескорыстный характер». Известный римский оратор Цицерон любил приводить слова Сципиона Эмилиана⁵⁰: «Не подобает римской нации одновременно повелевать другими народами и быть их мытарем».

Формально Рим придерживался этих установок. Но именно формально. В той части, которая относилась к налогам. Как отмечает Моммзен, денежные поступления в казну Рима из провинций до 63 г. до н. э. составляли примерно 200 млн. сестерциев (в расчет не принимаются десятичные сборы натурой). Для сравнения: доходы царя Египта, которые он в те годы извлекал из своих владений и от пошлин по внешней торговле, составляли около 300 млн. сестерциев.

⁵⁰ Сципион Эмилиан (185–129 гг. до н. э.) – военный начальник, государственный деятель, оратор.

Однако налоги были «верхней частью айсберга»; фактическое бремя, которое несли провинции Рима, было крайне тяжелым. Мы уже отметили, что это бремя складывалось не только из налогов, но также всевозможных реквизиций и повинностей союзных и зависимых территорий и городов.

Бремя еще больше усиливалось в связи с тем, что провинции подвергались ограблению со стороны налоговых откупщиков, римских чиновников, а также ростовщиков. Это были различные формы коррупции и так называемого «бизнеса» (нередко откровенно криминального).

1.6. Ростовщический капитализм

Вернемся к выяснению природы раннего, римского, капитализма. *Каутский* видит в Древнем Риме зачатки многих форм капитализма, которые получили свое развитие в новой истории. Однако первой его формой (как с хронологической точки зрения, так и с точки зрения значимости) он считает ростовщичество: «...*ростовщичество* представляет первую форму капиталистической эксплуатации»⁵¹. Важно подчеркнуть, что данный вид эксплуатации осуществляется *не в сфере производства, а в сфере обращения*. Очевидно, что для того чтобы ростовщическая эксплуатация «заработала», нужно хотя бы минимальное развитие в обществе *товарно-денежных отношений*. Как только в Древнем Риме стали складываться товарно-денежные отношения, так сразу же возникла и ростовщическая эксплуатация⁵². По этой причине *Каутский* (как и ряд других авторов) называет строй Древнего Рима *ростовщическим капитализмом*.

От чиновного клана постепенно «отпочковался» класс так называемых «*всадников*» – людей, которые специализирова-

⁵¹ Каутский К. С.110.

⁵² Забегая вперед, отметим, что неспроста в нашей стране «перестройка» началась с лозунгов о необходимости всяческого развития товарноденежных отношений (еще в условиях позднего социализма). Тем самым готовилась «почва» для будущей победы ростовщического капитализма на территории СССР.

лись в основном на денежных и торговых операциях (причем первоначально – от имени и в интересах государства). Другое их название – «экви́ты» (лат. *equites*, от лат. *equus* – конь).

Это была финансовая олигархия Древнего Рима. Всадники появились в эпоху республики (III в. до н. э.). Существовал имущественный ценз для этого сословия. Например, в начале II в. до н. э. для включения в сословие всадников требовалось имущество не менее 400 тыс. сестерциев. Сословие всадников стояло ступенькой ниже сословия аристократов, или «нобилей». Будучи не менее богатыми, чем «нобилы», всадники постоянно боролись за «равноправие» в политической области. Их позиция весьма усилилась в имперскую эпоху (несмотря на попытки некоторых аристократов и императоров ограничить ее политическое и финансовое влияние). С конца I в. до н. э. (со времени императора *Августа*) звание всадника стало передаваться по наследству. С I в. н. э. из всадников стал комплектоваться командный состав армии; они стали занимать ключевые должности по управлению провинциями (префекты, прокураторы и т. д.). В начале III в. н. э. впервые императором стал представитель всадников – *Макрин* (217–218). В это время различия между всадниками как финансовой олигархией и сенаторами как земельной (политической) олигархией уже практически стерлось. Среди всадников (особенно в поздний период истории Древнего Рима) встречались известные политики,

писатели и даже философы. Например, философ *Сенека* (4 г. до н. э. – 65 г. н. э.), который благодаря ростовщическим операциям накопил состояние в 300 млн. сестерциев. Сословие всадников просуществовало до правления императора *Константина Великого* (306–337), при котором большая часть всадников была переведена в разряд сенаторов.

О возникновении класса «всадников» мы можем прочитать у *Т. Моммзена*: «Около 218 г. (до н. э. – В.К.) Гай Фламиний провел закон, который запрещал сенаторам и их сыновьям принимать участие в казенных подрядах и вести заморскую торговлю. Мысль отстранить от участия тех, кто по своему положению в администрации находился в исключительных условиях сравнительно с другими, по существу мысль верная. Практических последствий для аристократии закон этот, впрочем, не имел, так как развитие торговых компаний доставляло множество способов обходить это запрещение, но было чрезвычайно богато последствиями это разграничение законом политически властвующей аристократии от аристократии чисто финансовой: все следующее столетие римской истории наполнила собою упорная борьба денежной аристократии и властвующей знати. Таковы были плоды капитализма...»

Впрочем, отметим, что в императорскую эпоху римской истории стали наблюдаться сращивание и переплетение интересов финансовой и политической аристократии, стирание граней между этими двумя группами римской элиты и их

полное слиянии при Константине Великом.

Моммзен отмечает, что в эпоху поздней республики денежное хозяйство получило большое распространение не только в метрополии, но и в провинциях, куда распространили свое влияние римские ростовщики: «В колоссальных размерах (...) развилось в Риме денежное хозяйство. Уже во времена Катона [Марк Порций Катон Старший (234–149 до н. э.) – государственный деятель и писатель. – В.К.] не только в Риме, но и в провинциях действовало множество банкиров, которые являлись посредниками в самых разнообразных торговых и промышленных предприятиях и во всевозможных денежных расчетах».

Каутский выделяет два основных этапа развития ростовщичества в Риме.

Первый этап. Ростовщичество земельных аристократов. Вот краткая его характеристика: «(...) крупные землевладельцы в Риме были также ростовщиками (...) Пока римские аристократы могли давать в рост деньги только крестьянам области, прилегающей к Риму, они могли их сильно угнетать, но богатства, которые они извлекали при этом, не могли быть особенно велики (...) Отдача денег в рост соседям не было занятием, которое требовало особого напряжения. Аристократы могли выполнять эту работу без всякого труда наряду с обработкой своих поместий и участием в государственных делах»⁵³.

⁵³ Каутский К. С. 108–109.

Второй этап. Ростовщичество «всадников». Этот этап связан с расширением Римской империи и началом активного ограбления провинций: «(...) дела римских ростовщиков процветали тем больше, чем больше открывался для них весь тамошний культурный мир (...) было очень трудно заниматься отдачей денег в рост в Испании и Сирии, в Галлии и Северной Африке и, вместе с этим, ведать еще делами такого колоссального государства. Ростовщичество поэтому все более дифференцируется от правительственных функций. Рядом со служилым дворянством, которое грабило провинции, выполняло функции полководцев и наместников и не стеснялось заниматься при этом денежными операциями, образовался особый класс ростовщиков-капиталистов, получивших особую сословную организацию, как класс «всадников». Но чем многочисленнее становился класс денежных капиталистов, которые занимались только денежными операциями, тем разнообразнее становились последние»⁵⁴.

Денежные капиталисты в Древнем Риме имели разные названия. Чаще всего их называли *менсариями* (лат. *mensa* – стол) – банкирами, которые занимались торговлей деньгами. Они принимали денежные взносы и выдавали займы. Помимо них были еще *аргентарии* (лат. *argentari* – деньги), которые помимо приема вкладов и выдачи ссуд занимались также безналичными расчетами между своими клиентами. Примечательно, что в Древнем Риме проводились уже запи-

⁵⁴ Там же. С. 109.

си по счетам клиентов, обслуживавшихся в одном банке, что позволяло им обходиться без наличных денег при взаимных расчетах. Кроме того, были *нумулляриш*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.